

Александр ВОЛКОВИЧ

Брест

Родился в 1950 году в Бресте. Военный журналист. Прозаик. Главный редактор, составитель районного краеведческого альманаха «Астрамечаўскі рукапіс». Победитель международных конкурсов: интернет-журнала «Русский переплёт» в номинации «Большая проза», «Литературная Вена — 2008», конкурса военных писателей имени В. Карпова (2009); победитель и лауреат ряда белорусских конкурсов.

КУЗНЕЦ, ВЫКОВАВШИЙ СЕРП

Я увидел его в кузнице, пропахшей вчерашней гарью, когда блестящие куски антрацита, сложенные кучкой в холодном горне, ещё сопротивлялись несмелому пламени, заимствованному от сухой щепы; уголь помнил глубокие недра и тесные объёты материнских пластов и находился в готовности спеть лебединую песнь самосожжения.

Узкий ремешок обручем охватывал безмятежное чело кузнеца, как шлем голову римского гладиатора, выдохнувшего: «Идущие на смерть приветствуют тебя, о Цезарь!»

Холодный кусок металла, покрытый ознобом ржавчины, покорно хранил старую клинообразную форму в надежде перевоплотиться в зуб бороны. Зуб за зуб — и только так уповают обречённые жить, не догадываясь, чем им предстоит продолжиться на этой земле.

Блестели кожаные доспехи рабочего фартука, похожие на лоснящийся круп тягловой лошади, позабывшей вес седока, но помнящей злые укусы полуденных слепней.

Двуручный молот с полированной рукоятью застыл без движения, как мачта шхуны, отягощённой якорем, на приколе в тихой утренней гавани.

Дыхание лемехов раздувает пламя и дразнит пасмурный день, безразлично струящийся в мутное, давно не мытое окно, в котором при желании можно наблюдать солнечное затмение.

Сквозь закопчённое стёклышко многие пытаются разглядеть в небе пылающий полумесяц, но видят, как огненные кольца движутся в бесконечной гонке без всякой надежды соединиться, и остаётся лишь высматривать серебряный осколок в разрывах ночных облаков, завидуя его манящему непостоянству.

Мастер берёт щипцами раскалённую заготовку, бывшую когда-то болотной рудой, и плющит податливый металл, оживляя мёртвый язык санскрит, на каком железо называется «жальжа».

Растревоженную бесцеремонным вторжением родословную нельзя трогать голыми руками, она готова ужалить окалиной, что даже безжалостней слепней на пастбище в жаркий июльский полдень, и глядеть на неё не менее опасно, чем на пылающий солнечный диск.

Алая змейка, удерживаемая клещами, извивается под ударами молота и брызжет горячими искрами, стремясь обрести обновление — так же напряжённая медянка, рождённая, как и жальжа, в болотах, пытается вылезти из своей шкуры и продолжить скольжение в новом блестящем качестве холодной скользкой сути.

Блики огня играют на вспотевшем лбу кузнеца, пережёргнутом морщиной, а длинные волосы колышут жар горна и вдохновение.

Звон наковальни лишён набатной торжественности — это скорее вздохи палубной рынды, переводящей дыхание по мере течения вахты.

Деревяшка, бывшая обездвиженной мачтой, облаканная ладонями, обрела инерцию призыва, свойственную древку штурмового стяга.

Кувалда не просит размаха, довольствуясь точностью попадания и силой удара. Кузнец, исполнив желаемое, опускает избитую полосу в холодную воду и наблюдает за обновлением, испускающим прежний дух. Движения мужчины незамысловаты и заучены, как у сонного мальчика, ведомого притяжением полной луны. Он выковал острокопечный серп, похожий на молодой месяц.

Для того чтобы это сделать, не обязательно смотреть через закопчённое стёклышко на солнечное затмение или быть в детстве лунатиком. Надо просто прийти утром в кузницу, разжечь остывший горн и взять в руки молот с рукоятью, похожей на мачту шхуны, потерявшей ветер.

Надо всегда помнить: без серпа не пожнёшь колосья пшеницы, из которой надо выпечь хлеб.

А без хлеба не поднимешь молот и серп не выкуешь.